

УДК 82

**ДВА ГУМАНИЗМА
(ПОВЕСТЬ Э. КАЗАКЕВИЧА «ДВОЕ В СТЕПИ» И «ИСТОРИЯ ГРИГОРИЯ М-ЗА»
В «АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ» А. СОЛЖЕНИЦЫНА)**

© 2013 г.

С.И. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

suhih_sios@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2012

Проводится параллель между идентичными сюжетными ситуациями в повести Э. Казакевича и «художественно-документальном исследовании» А. Солженицына. В этих произведениях изображаются, по сути, одинаковые, причём тяжкие воинские преступления, но оценки их у двух писателей принципиально различны.

Ключевые слова: воинское преступление, невыполнение приказа, трибунал, приговор, искупление вины, авторская оценка.

Тема «преступления и наказания» достаточно широко представлена в военной прозе 2-й половины XX в., в том числе в ряде значительных и талантливых произведений («Двое в степи» Э. Казакевича, «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, «Живи и помни» В. Распутина, «Сотников» В. Быкова, «Помилование» М. Карима, «Прокляты и убиты» В. Астафьева).

Параллель между столь разными произведениями, как названные выше вещи Э. Казакевича и А. Солженицына, может показаться неожиданной и натянутой. Но в них даются изображение и авторская оценка воинских преступлений, абсолютно идентичных по сути и совпадающих буквально до мельчайших деталей. Различие есть в эстетическом характере разработки этой ситуации. У Солженицына она дается в прямых, публицистических суждениях, а у Казакевича – художественными средствами, преимущественно за счёт построения сюжета и сочетания разных точек зрения на изображаемые события.

В обоих случаях показана обстановка самого, может быть, тяжелого периода войны, связанного с отступлением наших войск в 1942 г. к Дону и Волге. Именно тогда появился знаменитый приказ Сталина № 227 от 28.07.1942 «Ни шагу назад», согласно которому отступление без приказа с занимаемого воинской частью рубежа каралось расстрелом виновных. Именно тогда появились пресловутые «заградотряды» и «штрафные батальоны». Тогда, в июле 1942 г., К. Симонов написал свое известное стихотворение «Убей его!».

Э. Казакевич начал свой путь в литературе знаменитой повестью «Звезда», принятой с вос-

торгом читателями и критикой, удостоенной Сталинской премии, переведенной на 50 иностранных языков и изданной во многих странах мира. Она воистину вошла в золотой фонд нашей военной прозы.

Совершенно по-иному была принята вторая повесть Э. Казакевича, опубликованная в 1948 г., – «Двое в степи». Она сразу и надолго вызвала резкое, безоговорочное осуждение.

В Постановлении ЦК ВКП(б) «О журнале “Знамя”», в котором была опубликована эта повесть, говорилось: «В повести Э. Казакевича «Двое в степи» подробно расписываются переживания малодушного человека, приговоренного военным трибуналом к расстрелу за нарушение воинского долга. Автор морально оправдывает тяжчайшее преступление труса...» [1]. Даже спустя 7 лет после публикации, после смерти Сталина, в 1954 году, на Втором Всесоюзном съезде писателей в докладе Константина Симонова «О художественной прозе» повести Казакевича была дана та же суровая оценка, даже ещё более резкая.

1. Сюжетная ситуация преступления 1.1. В повести Казакевича

В этой повести важно **сюжетное** начало. Как строится Э. Казакевичем рассказ о судьбе человека?

Герой, двадцатилетний лейтенант Огарков, направлен в штаб армии офицером связи. При этом по своей специальности он был не связистом, а военным химиком. Он не имел представления о специфике службы связи, и, главное, ему не выделили ординарца, что было яв-

ным нарушением установленного порядка. Приехав в штаб армии и попав в избу, где располагались офицеры связи, Огарков «с горестью» обнаруживает, что «только он один приехал без ординарца» [2], за что коллеги его осуждают: «Глупо! Разве офицеру связи можно без ординарца? Стрясется с ним что-нибудь такое – некому даже помочь или по начальству доложить» [2].

На следующий день, из-за ухудшения обстановки и потери радиосвязи с частями, офицеры связи получают распоряжение немедленно доставить в свои части приказ об отступлении на новый рубеж обороны. Огарков едет в свою дивизию, теряет нужное направление, хотя находился уже почти рядом с ней, бестолково мечется туда-сюда. Наконец он совсем заблудился, растерялся, попал под обстрел, поверил в панические слухи о немецком прорыве, об окружении, струсил. «Панический ужас объял Огаркова. Он побежал на восток, путаясь в траве, перелезая канавы и ямы, пока, обессиленный, не остался лежать в бурьяне. Вдруг Огарков услышал в темноте какие-то совсем уже непонятные звуки, которые заставили его задрожать. Что-то страшное творилось совсем близко. Уловить природу этих звуков было невозможно. Треск, лепетание, звон, человеческий шепот, сопение, тяжелые шаги – он чуть с ума не сошел от ужаса. Когда развиднелось, он увидел силуэт лошади, жующей траву. «Трус проклятый, – сказал себе Огарков» [2].

В этих сценах **падения** автор своего героя совершенно не щадит. Трусость есть трусость. Поступок Огаркова объясняется отчасти его неопытностью, тем, что он не связист по военной профессии, тем, что у него не было ординарца. Все эти детали вводятся автором вовсе не для оправдания случившегося с лейтенантом, а именно для объяснения ситуации: Огарков не трус по природе, не подонок, а, в сущности, хороший, даже смелый человек. Но случилось так, что он проявил минутную растерянность. Струсив в сложной обстановке, не выполнив приказ, лейтенант возвращается в штаб армии. Его арестовывают и помещают в землянку в соседней деревне, где располагается военный трибунал. В землянке находится еще один человек, уже осужденный, который «без конца тупо повторяет: «А мне какое дело?.. Не хочу воевать... Пусть немец приходит, все одно». «– Как же так «все одно»? – ужаснулся Огарков. – Ведь они немцы, фашисты! Еще русский человек... Сумасшедший он, что ли?» [2].

Дальше следует то, что и должно следовать по суровой логике войны: военный трибунал, на котором майор из оперативного отдела штаба

докладывает, как его отдел видит сложившуюся ситуацию: «Мы потеряли эту дивизию» [2], далее следует неизбежный приговор – расстрел. Надо понимать, что в любой воюющей армии мира было и происходит то же самое: за невыполнение приказа, подвергшее опасности существование воинской части, – расстрел.

Огарков принимает приговор спокойно, понимая, что он **заслужил** суровую кару. И только возникшая перед мысленным взором картина: как мать узнает о его позорном конце – вызывает у него короткую истерику. Позор, бесчестие для него страшнее смерти. В ожидании исполнения приговора Огарков сидит в землянке, которую охраняет часовой – солдат-казак Джурабаев. «Все, что произошло, – думает приговоренный к смерти лейтенант, – должно произойти, потому что это справедливо» [2]. Окончательно судьбу приговоренного решает Военный совет: он может либо оставить решение трибунала в силе, либо помиловать осужденного, либо смягчить наказание, например, отправить Огаркова в штрафной батальон, давая ему шанс выжить.

1.2. В произведении Солженицына

В «Архипелаге» есть история одного знакомого Солженицына – Григория Самойловича М-з (полную фамилию автор не приводит), с которым он вместе отбывал ссылку в Кок-Тереке. Этот герой не зеленый лейтенант, не мальчик. В прошлом это партийный деятель, секретарь райкома, который и на войне занимал высокую и ответственную должность начальника шифровального отдела дивизии. «Всегда он был поставлен высоко, важная персона, и не ведал мелкого человеческого горя» [3, с. 432]. Однажды в то же время, которое описывается и Казакевичем, – летом 1942 г. и в тех же местах, что и повести «Двое в степи», по вине шифровального отдела один полк не получил приказа на отступление, и М-зу было приказано лично доставить этот приказ в полк, который немцы вот-вот возьмут в клещи: «Приказать им отступить! спасти их!!» [3, с. 432]. Но он испугался обстрела и панических слухов, не доехал до передовой, «дальше решил не ехать. Он **сознательно остановился – покинул, предал полк**» [3, с. 433] (выделено мной. – С.С.). Все, что происходило дальше, мы не знаем, знаем только то, что М-з получил невероятно мягкий *для тех времен* приговор: 10 лет лагерей с последующей ссылкой.

Понимает ли Солженицын, что М-з совершил тяжкое воинское преступление? Да, понимает и сам перечисляет все возможные его ас-

пекты: «По всем законам уголовным, воинским и законам чести, по законам коммунистическим и патриотическим, этот человек был достоин смерти... – ведь целый полк погубил он ради спасения своей жизни, не говоря уже, что в тот момент не хватило ему ненависти к самому страшному врагу евреев, который только бывал» [3, с. 433]. Это авторское слово абсолютно точно и логично. Но на констатации факта преступления и его справедливой оценке с точки зрения законов воинских и человеческих Солженицын не останавливается, а даёт далее свою собственную оценку. *Он не только оправдывает человека, совершившего тяжкое преступление, но и считает вправе поставить судьбу одной личности выше судьбы целой воинской части.*

2. Ситуация искупления вины

2.1. В повести Казакевича

Пока Огарков ждёт исполнения приговора, происходит внезапный поворот событий и резкий поворот сюжета: неожиданное немецкое наступление, штаб снимается с места, об арестованном и охраняющем его часовом впопыхах все забывают – и они остаются одни, «двое в степи».

Здесь заканчивается одна и начинается другая часть сюжета. История **падения** кончилась, начинается история **возрождения**.

Арестованный и конвоир присоединяются к одному выходящему из окружения батальону, воюют в его составе. Джурабаев никому не рассказывает, что его спутник осужден трибуналом к расстрелу. Огарков множество раз имеет возможность затеряться, исчезнуть, примкнуть к другой воинской части и воевать в ее составе.

Однажды ночью, когда Джурабаев спит, командир батальона посылает Огаркова в разведку. Тот идет, выполняет задание и возвращается. Потом происходит еще несколько аналогичных ситуаций. Лейтенанта то посылают к саперам помогать минировать подходы к станице, то назначают командиром отделения разведки, однажды он даже получает благодарность командира «за образцовое выполнение боевой задачи» [2]. Всё это подтверждает, что мы имеем дело не с трусом и подонком, который просто не вернулся бы с задания – исчез, и всё...

Потом у переправы через Дон во время воздушного налета погибает Джурабаев – единственный, кто знает о приговоре Огаркову. Лейтенант может легко скрыть своё прошлое. Единственное, что напоминает о его позоре, – копия приговора, лежащая в кармане его гимнастерки. На минуту он поддается искушению: достаёт эту бумажку, сминает и бросает на траву – и вдруг слышит сзади голос пьяного дезертира, решившего дальше не воевать и остаться в

родной своей станице, где он по стечению обстоятельств оказался в ходе отступления: «Мое почтение новому соседу!» [2]. Мысль о том, чтобы стать похожим на такого низкого человека, для лейтенанта невыносима. И Огарков без колебаний поднимает с земли и кладёт обратно в карман копию приговора. Когда он плывет через Дон, к людям, вынесшим ему смертный приговор, он испытывает чувство **безграничной свободы**: «Ему захотелось, чтобы его увидела мать..., чтобы все увидели, что он не жалкий беглец, убегающий от смерти, а человек, сознающий свою вину и готовый держать за неё ответ. Раз уж случилось так, а не иначе, и он, Огарков, получил свободу и выбор – он поступит, как сын своей страны, готовый умереть от ее руки, потому что не в силах жить, виновный и отринутый ею» [2]. Приговоренный к смерти лейтенант переходит с боем линию фронта и является в штаб армии, в трибунал, и это производит настоящий фурор в штабе. Его дело направляется в Военный совет, который рассматривает приговоры трибунала и выносит окончательное решение, что в суматохе отступления не было сделано раньше. Решение принимается с учетом новых обстоятельств: поразившего всех поступка – возвращения приговоренного в трибунал, его достойного поведения во время отступления, а самое главное – того, что дивизия, которую во время суда над Огарковым считали потерянной, не погибла: ее командир самостоятельно принял решение об отступлении. Огарков был помилован и направлен командиром взвода в пехоту. Он заканчивал войну в Германии капитаном, командиром пехотного батальона. И часто «перед его глазами вставало туманное видение: по необъятной степи бредут два человека, отбрасывая на высокую пшеницу две тени – длинную и короткую» [2].

2.1. В произведении Солженицына

Ситуация искупления вины М-зом заключена в одной фразе – М-з предал полк, «слез с лошади, обнял дерево и дал клятву Иегове, что если только останется жив, – будет ревнивым верующим, выполнять точно святой закон» [3, с. 433]. И этого мгновенного порыва для Солженицына достаточно, чтобы полностью оправдать то, что натворил этот человек, раз он «сверзился, упал, и от зёмного удара первая бороздка сознания прошла по его лицу, – отведите ваши камни. Не лишите его этого божественного пути» [3, с. 434].

3. Авторская оценка поступка героя

3.1. У Казакевича

В повести «Двое в степи» она выражена **художественно** и полностью соответствует изме-

нениям, происходящим во внутреннем мире Огаркова, развитию и логике сюжета и финала. О трусости Огаркова, в результате которой он совершил преступление – не выполнил приказ, автор пишет с отвращением и презрением, нисколько не оправдывая случившееся. В описании дальнейшего «крестного пути» Огаркова, его отказа от всех многочисленных возможностей спастись, его достойного, даже героического поведения во время отступления, – тональность рассказа меняется, меняется и отношение автора к герою. Оно теперь совпадает с позицией всех окружающих, которые поражены возвращением лейтенанта в трибунал, приговоривший его к смерти, и уже не столько осуждают его прежнее поведение, сколько чисто почеловечески принимают его искупление прошлого преступления. Например, лейтенант Синяев (а он был свидетелем на заседании трибунала, осудившего Огаркова, и говорил там о его поведении: «Дрейфил!»), выслушав историю Огаркова, ничего в ответ не говорит, просто слезает с коня и идёт рядом с главным героем. Действие это воплощает в себе душевное движение к пониманию собеседника, к тому, чтобы принять его как человека, много пережившего, а не оттолкнуть как предателя. И изображено это гуманное чувство психологически правдиво, причём не в словах, а в поступке Синяева. Таким способом проявляется одновременно и отношение автора к главному герою. Не случайно пишет автор и о том, что все в штабе армии заинтересованы судьбой Огаркова и сочувствуют ему: «Все ждали результатов доследования и окончательного решения с нетерпением и не без опасений, так как прекрасно знали, что трибунал, как учреждение, может и не принять во внимание возвращение Огаркова: формально поступок этот мог считаться вполне естественным и само собой разумеющимся. И некоторые офицеры из самых молодых (в первую очередь, разумеется, Синяев) уже заранее обвиняли трибунал в черствости и формализме» [2]. Когда же Военный совет принимает решение о помиловании Огаркова, Синяев принимает это известие с облегчением, а впоследствии узнаёт от сослуживцев главного героя, что тот заслужил их уважение. И такая точка зрения героев никак не опровергается, не дискредитируется автором, который устами своих персонажей выражает не формальный, а чисто человеческий взгляд на происходящее.

3.2. У Солженицына

У автора «Архипелага» позиция другая, она ближе к той, которую излагал Огаркову другой арестованный в землянке: «Мне какое

дело? Пусть немец приходит, все одно...» [2]. Для Солженицына жизнь человека выше всех присяг и никакие идеи её не стоят. Для него «глубиннейший слой нашей жизни – религиозное сознание, а не партийно-идеологическое» [3, с. 433]. Оговоримся здесь, что поступок М-за вообще-то несовместим не только с военными и гражданскими законами, но и с религиозным сознанием, ведь религия не ставит жизнь одного человека выше жизней других людей.

Итак, М-з сознательно решил предать полк и после этого дал клятву Иегове в дальнейшем безупречно выполнять все предписания Закона. Это мгновенное превращение бывшего коммуниста и атеиста в правоверного иеговиста Солженицын считает достаточным для оправдания человека, совершившего тяжкое преступление, приведшее к гибели многих людей.

Это типично **диссидентская** этическая позиция: раз государство, его идеология человека не устраивают, то не ему и решать судьбу этого человека: «По более высшим законам (чем военные и человеческие. – С.С.) М-з мог воскликнуть: а все ваши войны – не по слабоумию ли высших политиков начинаются? Разве Гитлер врезался в Россию не по слабоумию – своему, и Сталина, и Чемберлена? А теперь вы посылаете на смерть м е н я ? да разве вы меня на свет родили?» [3, с. 433]. И ничего не стоят присяга, судьба погибшего полка – многих сотен людей – по сравнению с ценностью жизни одного человека, в котором в одно мгновение проснулась религиозная вера.

Солженицын **не осуждает** своего знакомого. На его взгляд, есть другие системы ценностей, более правомерные, чем «примитивная» государственная точка зрения. Он считает, что М-з вправе добиваться оправдания и предъявлять государству упреки такого рода: «Разве государство, армия или другой коллектив родили человека, дали ему жизнь, чтобы требовать ее взамен на что бы то ни было?» [3, с. 433].

4. Гуманизм и «гуманизм»

Как видим, в жизни – и в книге Солженицына – произошло прямое, буквально до деталей совпадающее повторение сюжетной ситуации воинского преступления, описанной в повести «Двое в степи». **Э. Казакевич** отдаёт своего героя на суд – не государства, а его собственной **совести**. В повести дано оригинальное (и сложное) решение проблемы гуманизма и ценности человеческой личности. **В действительности** в ней нет никакой реабилитации труса. Есть **моральный суд** над трусостью: и авторский, и, прежде всего, суд собственной совести героя.

Он именно тогда и становится по-настоящему человеком, когда признаёт свою вину и глубоко переживает её.

Это не история преступления, тем более не оправдание преступления, это история **искупления вины**, история о том, как в человеке торжествует его человеческая сущность, несмотря на то что он действительно совершил тяжкое преступление и был отвергнут окружающими. Идея глубоко и по-настоящему **гуманистическая**.

Для **Солженицына** же критерием оценки тяжкого преступления становятся не законы воинские и человеческие, которые он презрительно отвергает как «идеологические» и «партийно-политические», а лишь высший божеский закон (как он его понимает).

Но дело ведь не только в **идеологиях**. А как все же быть с **совестью**?

Мораль же рассуждений Солженицына, считающего себя христианином, явно и не гражданская, и не патриотическая, но и **не христианская**. Скорее, это продукт идеологии – тоже «партийно-политической», только не коммунистической, а сугубо либеральной. Если смотреть на ситуацию с точки зрения традиционных христианских ценностей, то как же «возлюби ближнего», как же «положить жизнь за други своя»? Как быть с теми тысячами жизней, которые погублены героем? По Солженицыну, тут нет вопросов: «Все кончилось **благополучно: полк погиб или попал в плен** (выделено нами. – С.С.), а М-з выжил, получил 10 лет лагеря по 58-й, отбыл их – и был со мною в Кок-Тереке»

[3, с. 433]. Фраза звучит не по-христиански, а вопиюще цинично. И это не слова героя, а прямое оценочное суждение автора, причём чуждое какой-либо горькой иронии. Писатель отстаивает право человека защищать собственную жизнь любой ценой, в том числе и ценой антиморального поступка, преступления, которое стоило жизни многим другим людям.

Очевидно, что авторская позиция в повести Казакевича «Двое в степи» зиждется на иных моральных принципах. В произведениях Казакевича, особенно в этой повести, нашла отражение сложная диалектика войны, где добро и зло, долг и свобода, чувство и разум, подвиг и малодушие порою бывают сплетены самым причудливым образом.

В повести «Двое в степи» отчетливо выражена мысль о человеке как главной ценности, но эта ценность определяется нравственной состоятельностью личности. Речь идёт о **ценности человеческой души, совести**, тем более что изображается действительно трудный случай, показывается человек, на самом деле виновный, совершивший тяжкое преступление.

Список литературы

1. Постановление ЦК ВКП (б) «О журнале “Знамя”» // Культура и жизнь. № 1. 1949. 11 янв. С. 1.
2. Казакевич Э. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/KAZAKEVICH/dwoe.txt>
3. Солженицын А. История Григория М-за // Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. Т. 3. Ч. VI. М., 1990. С. 432–434.

TWO KINDS OF HUMANISM (E. KAZAKEVICH'S STORY «TWO IN THE STEPPE» AND «THE STORY OF GRIGORY M-Z» IN «THE GULAG ARCHIPELAGO» BY A. SOLZHENITSYN)

S.I. Sukhikh

A parallel is drawn between identical narrative situations in the story by E. Kazakevich and the «fictional and documentary research» by A.Solzhenitsyn. In fact, essentially the same grave military crimes are described in both works, but the authors assess them in a fundamentally different manner.

Keywords: military crime, breach of orders, court martial, sentence, redemption, author's assessment.